

“In vino veritas...”

— Плиний Старший

Из Гильдии Лерней вышел уже с Алайватом. Благодаря магии Тувиэля они организовали эльфу недельный отпуск. За этот отпуск Некромант собирался создать зелье для сына эльфа. Но сперва надо было его осмотреть, чтобы быть готовым ко всем неожиданностям. Больного держали на вилле Главы Гильдии по охраной “псов”, которых возглавлял Турван. Не сложно было догадаться, что сын был заложником, а его болезнь поддерживали специально, чтобы контролировать Алайвата. И всё это из-за его глаз. Столь примитивные и низменные мотивы поражали Лернея. Гильдия могла придумать сотни других, более эффективных, способов контроля, но они выбрали самый противоречивый. С одной стороны, заложник действительно ограничивал простор для манёвров Алайвата, с другой же это делало эльфа и Гильдию непримиримыми врагами. Алайват в любом случае стал бы искать способ спасти своего сына, а раз они уже враги, то и методы эльфа будут более радикальными.

Придя к эльфу домой, они устроились в уютной гостиной. Тувиэль не преминул спуститься в винный погреб за парой бутылок. Достав из сервиза самый роскошный бокал, он сел у камина и стал пить вино, смотря на огонь. Подобное поведение озадачило Алайвата, Лерней же просто промолчал — он никогда не поймёт того, что было в голове у этого полубога.

— Итак, — начал первым Алайват, устало потирая виски. — Вы объясните мне, что, собственно, происходит?

— Тебя почти убили, вот что, — ответил ему Тувиэль, лениво потягивая вино. — Враг узнал, что у тебя есть Кольцо Старшего Народа. А потому Он желает получить его любой ценой. И надо сказать, что это у Него почти получилось. Те люди, которые на тебя напали, были иверлингами. Ты прожил достаточно веков, чтобы понять, что это означает для всех Срединных Земель. Великая война между Севером и Югом вновь возобновилась, и ты, — с этим Тувиэль многозначительно посмотрел на эльфа. — И ты находишься в самом её эпицентре.

— Я далёк от всего этого, — покачал головой Алайват. — Это Дурин всё время твердил, что у нас мало времени. “Война всё ближе”. Но я хочу просто тихо и мирно жить со своим сыном.

На эти его слова Тувиэль лишь презрительно фыркнул.

— Как видишь — это невозможно, — заговорил Лерней. — Мир пришёл в движение. Тьма уже потянула свои щупальца в сторону Юга. Хотя мне самому мало что известно, но не трудно понять, что нам остаётся лишь крепче перехватить мечи и встречать последний восход с высоко поднятыми головами.

— И что вы предлагаете?

— Для начала, — с этим Тувиэль отпил прямо из бутылки. — Для начала надо полностью исцелить тебя от проклятья Герольда. Затем спасти твоего сына. Ну а потом готовиться к войне со Святой Империей Талатана. До Севера ещё далеко, а потому надо решать проблемы по мере их поступления. Яд ещё не проник в твою душу, а потому у нас ещё есть шанс на полное исцеление. Для этого нам понадобится вода, очень много воды.

— Почему именно вода? — не мог не спросить Алайват.

— Хоть этот мир долгое время был под властью Талатана, но в его водах всё ещё сохранилась сила Ульвиана, — пояснил Тувиэль. — Лекаря, лучше Ульвиана, вы не сможете найти ни на земле, ни на небе. Так что я предлагаю сходить в купальни вместе с Дурином.

— Ульвиан — это один из забытых богов? — уточнил Алайват.

Лернею тоже было это интересно. Он понимал, что этот Ульвиан был таким же полубогом, как и Тувиэль, но сомневался, что простая вода сможет снять такое изошрённое проклятье. Однако, Некроманту ничего не оставалось, кроме как довериться в этом вопросе Тувиэлю.

— Так вы, смертные, называете подобных мне, — пояснил Тувиэль.

— погоди! — сразу же воскликнул Алайват. — Подобных тебе? Ты что, бог, как и Талатан!?

На это восклицание Тувиэль ничего не ответил, лишь посмотрел на Алайвата сквозь наполненный бокал.

— Успокойся, — Лерней силой усадил эльфа в кресло. — Кто такой Тувиэль — не самый главный вопрос. Просто прими то, что он наш единственный союзник.

— Ладно, — махнул рукой Тувиэль, осушив за раз остаток вина во второй бутылке. — Сейчас мы можем только ждать следующего шага Врага.

— Этот Враг — он тоже бог? — не мог не спросить Алайват. — Разве Талатан не будет ему

злейшим врагом? Ведь он покусился на его власть. И эти иверлинги — они вообще люди или же звери в человеческой коже?

— Враг — это Враг, — скупно ответил ему Тувиэль. — Такой ничтожный божок, как Талатан, ничего не сможет Ему противопоставить. Ему остаётся лишь безмолвно наблюдать, как его вотчина медленно поглощается первозданной Тьмой.

— Ах! — воскликнул Алайват. — Вы такие же, как и Дурин. “Враг” и “Тьма” — вы все не можете придумать что-то более осязаемое? Хватит городить неумелые и лишённые смысла метафоры!

Это было дельное замечание. Дельное для простого обывателя, который далёк от всего этого. Лернею было даже жалко этого эльфа. Он был втянут в войну богов без своей воли.

— У Него есть имя, — отозвался Тувиэль. — Вот только произносить его нельзя. И тут виной всему не мирские предрассудки, а тёмное колдовство. Имя Врага — это магическая анаграмма. И всякий, кто произнесёт его, обрушит на свою голову могущественные проклятья, и белый свет станет ему не мил. Потому-то все Его и называют просто Врагом или Тьмой. Но сейчас это не имеет никакого значения.

— И что вы планируете делать? — спросил Алайват. — Поташите меня в городские купальни?

— Нет, — отозвался Тувиэль. — Сейчас я пойду в Башню Магов, а вы останетесь здесь. Не хватало нам, чтобы очередные убийцы напали на тебя прямо в доме. Лерней — я оставлю этого эльфа на тебя.

Тот кратко кивнул. Не сложно было понять мотивы Тувиэля.

— Тогда я покину вас.

С этим Тувиэль вышел из комнаты, прихватив с собой последнюю бутылку вина. Алайват же устало растёска в кресле. Для него этот день был слишком... шокирующим? Он не мог точно сказать. Всё начиналось как обычно, а теперь же он вынужден сидеть в одной комнате с тем, кого вообще не хотел видеть. Некромант пугал его трепетную душу. Эльфу нужно было лишь лекарство, ни меньше, но и не больше.

— Это проклятье, оно действительно такое могущественное? — после долгой паузы спросил

Алайват.

Лерней посмотрел ему глаза в глаза, от чего тот вжался в кресло, а на лбу выступил холодный пот. Что-что, а вот пугать Лерней умел.

— Оно крайне искусно сделано, — своим истинным ледяным голосом ответил ему Некромант.
— Оно тончайшими нитями негативной энергии проникает в самую ткань души, подчиняя и перестраивая духовное естество. Если ничего не принять, то через несколько дней ты падёшь во тьму. И говоря “тьму” я имею ввиду абсолютное забвение. Ты потеряешь над собой контроль и станешь жалкой марионеткой в руках хозяина. Ты будешь следовать всем его приказам, не в силах ничего противопоставить этому. Твоя жизнь превратится в нескончаемый кошмар, когда ты своими собственными руками будешь совершать дела столь ужасные, что и в кошмаре не приснится. И в самом конце, когда твоя плоть сгниёт, а душа источится, ты превратишься в неприкаянного и сошедшего с ума призрака.

Алайват не мог точно сказать, что ужаснуло его больше — ужасная участь марионетки или же голос Некроманта. В его ледяном тоне читалось некоторое ехидство и наслаждение, как будто бы его забавила та ситуация, в которой оказался эльф. Лерней говорил с неким уважением к этому проклятью, как если бы уважал самого его создателя. Именно в этот момент Алайват осознал всю ту пропасть, которая разделяла его и Лернея. Он был совершенно чуждым элементом мироздания, могущественным некромантом, неуспокоинным призраком без физического тела. Раньше Алайват обманывал самого себя, что раз у Некроманта есть “тело”, каким бы ужасным оно не было, то он такой же, как и он сам, но всё это было лишь тщетной попыткой самоуспокоения.

— Этот Тувиэль, кто он? — через длительное время подал голос Алайват.

— Я не знаю, — честно ответил ему Лерней. — Мы встретились с ним в древнем могильнике буквально пару дней назад.

— И Вы ему доверяете?

— Нет.

— Тогда...

— Я не доверяю ему, — ледяным, не терпящим оговорок, голосом прервал его Некромант. — Но

на данный момент наши взгляды и интересы совпадают.

— Просто Вы с такой лёгкостью соглашаетесь со всем, что он говорит. Мне это не понятно. Как Вы, такой могущественный...

— Лесть здесь ни к чему, я знаю свои пределы. Тувиэль равен мне по силе, если не превосходит. И ему известна та информация, которая необходима мне. Запомни, эльф, — я не с ним, а он не со мной.

На это Алайвату нечего было ответить, и он замолчал. В течение часа он боялся пошелохнуться, но естественные инстинкты взыграли над ним. Он хотел пить и уже порывался встать, как кроваво-красные глаза Лернея впились в него. Он буквально почувствовал, как этот взгляд разрывал его на части, а потому тут же сел на место.

— Я хочу пить, — ещё через час подал голос эльф.

— Ты хочешь, чтобы я подал тебе вина?

Поняв намёк, Алайвт снова умолк. Лерней же закрыл глаза. Впрочем, они были лишь декорацией, и на самом деле было совершенно не важно — закрыл он их или нет. Он всё также прекрасно видел окружение. Так они и сидели в гостиной, дожидаясь прихода Тувиэля. А служанка, приставленная Гильдией, всё это время без памяти лежала на кровати, связанная по рукам и ногам магическими цепями. Она, хоть и женщина, была шпионом Гильдии, а потому никто не стал с ней церемониться. В её потускневших глазах застыл первобытный ужас. И стоит позавидовать её участи — испытал страх лишь раз, она была освобождена от компании Некроманта.

Тьма клубилась над высокими шпилями. Не было в этих сумрачных тучах ни живительной влаги, ни других естественных атрибутов обычных облаков. Вместо этого они были наполнены губительными миазмами и разрядами молний, столь же смертельных. Они били в железные шипы минаретов, освещая непроглядный мрак фиолетовыми вспышками гнилостного света. Клубы мрака свободно проникали внутрь помещений сквозь высокие окна-арки, ничем не прикрытые и нагие.

В самом высоком минарете, на последнем этаже была просторная комната. Кроваво-красные

светильники освещали кошмарные миазмы, придавая им самые фантастические и ужасные образы и формы. За огромным столом, заваленным необъятными стопами свитков, сидел воин в чёрной рясе. Голову его покрывала шипастая корона из воронённой стали. Эта корона закрывала и часть лица простой маской, сотканной из бритвенно-острых лезвий. Лица же воина не было видно — внутри клубился лишь мрак, столь тёмный, что ни светильники, ни вспышки молний не могли его развеять.

Воин работал. Тщательно просматривал каждый свиток. Какие откладывал в сторону, на других что-то писал пером, вырезанным из кости. Сложно было сказать, что он испытывал в этот момент каждодневной рутины, но он выполнял всё это с точностью, которой позавидовали многие министры и короли. Воину не требовался ни сон, ни пища, а потому прошёл уже целый месяц, как он не вставал с резного трона. Ежечасно слуги приносили новые свитки и забирали старые. И так могло продолжаться на протяжении десятилетий.

Этот воин был местным правителем. Все эти бескрайние земли мрака и ужаса были его вотчиной, за которой он должен был присматривать. И он будет присматривать, поскольку ему так приказал его Господин, приказов которого он не мог ослушаться.

И в этот момент двери, на которых была изображена подробная карта данных земель, распахнулась и в комнату вошёл мужчина в тёмно-коричневом кафтане. Был он высок и статен, кожа его была цвета бронзы, острые брови ютились над глазами оливкового цвета. На голове его был цилиндр, изумрудного оттенка, перевязанный пурпурной лентой, за которую лихо было вставлено петушиное перо. Завершала образ трость с навершием в виде головы лютоволка.

— ...тотеп, — окликнул незваного гостя воин, причём с невидимых губ его сорвался звук, который ни один смертный не в силах разобрать. Звук тёмный, неясный и хаотический, но столь же прекрасный и величественный. — Что привело тебя ко мне?

— Я буквально мгновение назад был на совещание с Владыкой, — вальяжно расхаживая по комнате, начал говорить гость. — Или это было вечность назад? Ладно, не важно! Так о чём я? А, да! Всё готово. Наш Таинственный Друг уже выполнил свою часть работы. Как же мне жаль того паренька-алхимика! Ха-ха-ха! Ну да я не об этом. Мы можем приступить к следующей стадии. И что это такое? Разве тут пахнет не апельсином? Какой изысканный аромат!

Голос гость был подобен мёду, мёду столь приторному, что от него перекашивало лицо. Он нёс в себе столько гнили и разложения, но при этом был столь прекрасен, что любой, услышав его, сходил с ума и погружался в болезненный экстаз, оканчивающийся неминуемой и мучительной смертью, обращаясь куском зловонной гнили.

Гость был существом парадоксальным и таинственным, как и все из их Триады. Столь

прекрасен внешне, и столь уродлив изнутри. Но это можно было стерпеть, если бы он не исторгал всю эту внутреннюю гниль на всех, кто был рядом. Он любил цветы, но они тут же гнили; он любил вино, но оно тут же прокисало; он любил весь мир, но мир не мог вынести его присутствия; он любил, и был всеми ненавидим и презираем; он был существом сего момента, но само время тяготилось от него, и в великом призрении распадалось, разлагалось и скручивалось в рог; он обожал загорать на солнце, но само Солнце проклинали его невыносимым жаром, испепелявшим всё, до чего дотрагивалось; он был горд, но тут же раболепно кланялся; он был, но не был.

— В каком именно из миров? — не обращая внимания на гостя спросил воин.

С этим он принялся копаться в груди свитков, сиюсь найти тот, о существование которого он уже и сам забыл.

— В мире того миловидного простачка, который всё крутился вокруг Владыки, — сиюсь вспомнить столь незначительную деталь ...тотеп нахмурил брови. — А, вспомнил! Талатан, подмастерье Таинственного Друга по алхимии и звероводству. Он почти потерял власть над одним из своих миров, хоть и правит им безраздельно. Такой дурак, но он мне нравился. Такой затейник и балагур! Как-то раз мы с ним...

На этом гость принялся с умильной улыбкой рассказывать какие-то истории минувших дней, которые были смешны и интересны только ему одному и к делу никак не относились. Воин же по старой привычке перестал его слушать и, после долгих поисков, наконец-то нашёл нужный ему свиток. Размотав с десятков футов длинны, воин принялся читать содержание доклада. Только после этого он вспомнил о каком именно мире шла речь. Это был "старый орешек", который они пытались покорить уже три раза.

— ...и он мне говорит...

— Хватит, — оборвал гостя воин. — Что приказал Владыка?

— Хах! Что сказал? — сразу же переключился на новую тему ...тотеп. — Случилось знаменательное событие! Когда такое происходило в последний раз? Даже и вспомнить не могу! В общем, хех, в атаке на этот мирок будет задействована вся Триада. Даже наш Таинственный Друг. Только он уже всё сделал, а нам придётся выполнять всю оставшуюся рутину. Он всегда был таким хитрым и быстрым! Мне кажется, что Он знает гораздо больше нас, а, Квен'филион, как считаешь?

— Мне это безразлично, — отмахнулся от назойливого гостя Квен'филион. — Раз всё готово, то

когда отправляемся? И сколько сил мне брать с собой?

— На счёт этого, то у нас... — на этом ...тотеп сделал театральную паузу и воздел руки к чёрному небу. — У нас полная свобода! Мы должны покорить этот мир, чего бы нам это не стоило. Все силы, все знания, все уловки и колдовство. Всё!

— Понятно, — кивнул Квен'филион. — Тогда я готовлю свои легионы, а ты приведи в должный вид свои орды. Я не хочу, чтобы твои выродки сожрали всех моих бестий. Я разводил их не для корма твоей мерзости.

— Хо-хо! Не будь столь серьёзен! Когда мы ещё сможем пообщаться все втроём? Это происходит настолько редко, что я даже не начинал считать. Кажется, это было... так, раз, два, три...

С этим ...тотеп ушёл в свой собственный мир. Не обращая внимания на него, Квен'филион принялся собирать разбросанные свитки в одну стопку. За этот месяц он снова возненавидел всё это, но послушаться приказа Повелителя не мог. Но теперь у него появился долгожданный отпуск, а именно отпуском он воспринимал покорение очередного мира. Прольётся океан крови, земли будут опустошены, души будут порабощены, и Первозданная Тьма вновь восторжествует. А большего Квен'филиону и не надо было. Для него это тоже была рутина, но не столь монотонная. По крайней мере он сможет утолить свою скуку.

<http://tl.rulate.ru/book/47583/1538084>